

Академия. Гаремный квест книга 2

18+

Данна Леднива

Данна Леднива

Академия. Гаремный

квест. Книга 2

<https://litres.ru/74248222>

SelfPub; 2026

Аннотация

Элиан выжила. Она прошла через огонь, воду, землю, воздух и тьму, стала полной Хранительницей и связала себя с пятью мужчинами — пятью стихиями, пятью судьбами. Но покой, которого она так ждала, оказался миражом.

Академия «Эрданос» пала. Мир, который она спасла, встречает её камнями и проклятиями. Её называют ведьмой, шлюхой, пожирательницей душ. Но это лишь цветочки по сравнению с тем, что ждёт впереди.

В столице, куда она привела своих связанных, её встречает не король и не совет — а Лира Вервилл. Сестра Ашера, которую все считали мёртвой. Женщина с пятью рунами на теле, претендующая на трон Хранительницы. И она не намерена делить власть.

Теперь Элиан предстоит война не с Тёмным Лордом, а с той, кого любит её собственный мужчина. Война, в которой враг носит лицо семьи. Война, которая разрушит всё, во что она верила.

Сможет ли Элиан удержать свой гарем, когда один из её мужей разрывается между ней и кровью? И готова ли она заплатить цену за трон, который никогда не просила?

Содержание

Глава 1. Пепел вместо дома	5
Глава 2. Холодный генерал	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Академия. Гаремный квест. Книга 2

Глава 1. Пепел вместо дома

Тракт, ведущий от академии «Эрданос» к границе земель Огня, давно перестал быть дорогой. То, что когда-то было вымощенным камнем путём, по которому торговали купцы и ездили королевские гонцы, теперь представляло собой унылую ленту разбитой земли, покрытой трещинами, ямами и пеплом. Местами из земли торчали обломки камней, местами — обугленные остовы повозок, которые не успели увести из приграничных деревень. Воздух пах гарью, сыростью и чем-то ещё — чем-то металлическим, как кровь на губах после долгого бега.

Элиан сидела на большом плоском камне у обочины, подтянув колени к груди, и смотрела, как её пятеро мужчин пытаются — каждый по-своему — организовать их первый ночлег на свободе.

Свобода.

Это слово звучало в её голове странно. Свобода. После пяти лет в академии, после жизни служанки, после ритуала, после связи, после бегства — она была свободна. Но что это значило? Она сидела на разбитом тракте, в порванном пла-

тье, с четырьмя рунами на теле и с пятью мужчинами, которые не могли договориться даже о том, как разжечь костёр.

Это не свобода, — подумала она с горькой усмешкой. *Это другая клетка. Просто побольше.*

Первой попыталась взять ситуацию в свои руки, как всегда, Элиан. Но она была слишком слаба после перехода через портал и битвы у замка Тёмного Лорда. Её тело ныло, каждая кость просила покоя, а в груди — там, где должны были мирно сосуществовать четыре стихии — всё ещё бушевала буря. Огонь Ашера, земля Бьорна, вода Дориана и... тьма, ставшая ветром. Ксавьер.

Она посмотрела на него — на того, кто стоял в стороне от всех, прислонившись спиной к обугленному стволу дерева. Его чёрный плащ развевался на лёгком ветру, хотя ветра почти не было. Его бледное лицо было непроницаемым, как маска. Чёрные глаза смотрели куда-то вдаль — туда, где за горизонтом начинались земли Тьмы. Его земли.

Он чужой, — подумала Элиан, и эта мысль была не злой, а печальной. *Он чужой среди них. И, может быть, среди меня тоже.*

Ксавьер. Брат Ашера. Тот, кого все считали погибшим двадцать лет назад. Тот, кто вернулся из Тени, чтобы защитить её. Тот, кто поцеловал её руку у дороги и сказал: *"Я ждал тебя десять лет. И я не уйду."*

Но он не был связан с ней. Не по-настоящему. Руна на её ладони — серо-чёрная, как буря — пульсировала, но это

была не связь. Это было... обещание. Обещание, которое ещё не стало реальностью.

И это обещание висело между ними, как натянутая тетива.

— Да горит оно всё синим пламенем! — раздался яростный голос Ашера.

Элиан вздрогнула и повернула голову.

Ашер стоял посреди небольшой поляны, которую они выбрали для лагеря, и смотрел на кучку хвороста, которую только что собрал. Его рыжие волосы растрепались, рубашка была в пыли, на щеке — свежая царапина от ветки. В его золотых глазах горела та самая ярость, которая была его постоянным спутником с самого детства.

— Ашер, успокойся, — тихо произнёс Бьорн, не поднимая глаз от земли, которую он, казалось, изучал с нежностью влюблённого. — Дрова сырые. Нужно сначала...

— Я знаю, как разжигать костёр, Каменное Сердце! — огрызнулся Ашер. — Мне пятнадцать лет, и я...

Он не закончил. Потому что в его ладони вспыхнул огонь.

Маленький, поначалу. Оранжевый язычок, который должен был просто поджечь сухую траву под хворостом. Но Ашер был зол — а его огонь всегда реагировал на его эмоции. Язычок стал больше. Ярче. Горячее.

— Ашер, нет! — крикнула Элиан, вскакивая с камня. Но было поздно.

Огонь вырвался из его ладони — не как пламя, а как

взрыв. Он ударил в кучку хвороста, и та вспыхнула целиком, единым, ослепительным столбом пламени. Жар ударил в лицо, волосы на руках Элиан опалились. Пламя подбросилось вверх, на три, на четыре метра, и начало жадно пожирать всё, что попадалось на его пути. Сухую траву. Обломки дерева. Даже камни, которые, казалось, горели от одного прикосновения этого безумного жара.

— Идиот! — выдохнул Дориан, появляясь рядом с ней так быстро, что она не успела моргнуть. Он поднял руку — и из его ладони вырвался поток воды. Холодной, живой, мощной. Вода ударила в пламя, и оно зашипело, начало уменьшаться, но не гасло. Огонь Ашера не хотел умирать.

— Не лезь, Водяной! — прорычал Ашер, и сам бросился тушить своё пламя. Он бил по нему руками, ногами, плащом — но огонь только смеялся ему в лицо, становясь всё ярче.

Бьорн, наконец, оторвался от земли. Он подошёл к краю поляны, присел на корточки и прижал обе ладони к почве.

— Земля, — тихо произнёс он. — Слушай.

И земля ответила.

Из-под его ладоней поднялась тонкая полоска грунта — не высокая, всего в ладонь высотой, но плотная, как камень. Она медленно, неуклонно поползла к огню, окружая его кольцом. Огонь бился о неё, пытался перепрыгнуть, но земля была терпеливой. Она сжимала кольцо, сжимала, пока пламя не оказалось заперто в маленьком пространстве, лишённое воздуха.

И погасло.

Остался только дымок. И кучка пепла — того самого пепла, который был символом Элиан с самого детства.

Тишина.

Ашер стоял, тяжело дыша. Его лицо было красным — не от жара, а от стыда. От ярости на себя. Он сжал кулаки так, что костяшки побелели.

— Я... — начал он, но не закончил.

— Ты в очередной раз доказал, что не умеешь контролировать свою магию, — холодно произнёс Дориан, вытирая руки о плащ. — Даже костёр разжечь не можешь.

Ашер повернулся к нему так резко, что Элиан испугалась — сейчас будет драка.

— А ты что, лучше? — бросил он. — Ты воду добываешь уже час! Мы умираем от жажды, а ты...

— Я ищу чистый источник, — перебил его Дориан, и его голос был таким ледяным, что Элиан поежилась. — А не как ты — сжигаю всё, до чего дотрагиваюсь.

— Хватит! — крикнула Элиан.

Оба мужчины замерли. Посмотрели на неё.

Она стояла посреди поляны, в порванном платье, с растрепанными волосами, с четырьмя рунами на теле, которые пульсировали в такт её дыханию. Она была маленькой, уставшей, израненной. Но в её серых глазах горел огонь — не Ашера. Её собственный.

— Хватит, — повторила она тише. — Оба. Прекратите.

Сейчас же.

Они посмотрели друг на друга — и неохотно отвели глаза.
— Бьорн, — обратилась она к огромному целителю, который всё ещё стоял на коленях, прижав ладони к земле. — Ты сделал укрытие?

Бьорн кивнул. Он встал — медленно, как человек, который несёт на плечах гору. И Элиан увидела, что за его спиной, в склоне небольшого холма, образовалась ниша. Не пещера — именно ниша, вырезанная в земле с хирургической точностью. Вход был низким, чтобы можно было войти только согнувшись, но внутри — просторно. Стены были гладкими, покрытыми тонким слоем магической глины, которая светилась тускло-зелёным светом. Пол был устлан мягким мхом — живым, тёплым, пахнущим лесом.

— Спасибо, — тихо произнесла она.

Бьорн только кивнул. Его зелёные глаза смотрели на неё — тепло, спокойно, как всегда. Он не сказал ни слова — не нужно было. Его действия были его словами.

— Воды нет, — буркнул Дориан, подходя ближе. Его военная форма была в грязи, светлые волосы прилипли ко лбу. — Ручей в полутора милях отсюда, но он отравлен — Тьма прошла здесь недавно. Я могу очистить воду, но это займёт время.

— Сколько? — спросила Элиан.

— Час. Может, два.

Она кивнула. Посмотрела на Ашера — он всё ещё стоял,

опустив голову, как побитый щенок. На Бьорна — он уже входил в укрытие, проверяя, всё ли в порядке. На Дориана — он смотрел на неё тем самым холодным взглядом, который она не могла разгадать с самого детства.

И на Ксавьера.

Он так и не двинулся с места. Всё так же стоял у обугленного дерева, прислонившись спиной к стволу, с тем самым непроницаемым выражением на бледном лице.

— Ксавьер, — позвала она.

Он медленно повернул голову. Его чёрные глаза встретились с её серыми — и в этой встрече было что-то, от чего у неё перехватило дыхание. Не холод. Не тепло. А... глубина. Как будто она смотрела в колодец, дна которого не видно.

— Да, Хранительница, — тихо произнёс он.

Его голос был низким, хриплым, как шёпот из могилы. В нём не было ни насмешки, ни тепла. Только... ожидание.

— Ты... — она запнулась, не зная, как сформулировать.

— Ты не поешь? Не попышь?

— Мне не нужно, — произнёс он. — Тьма не требует пищи. Не требует воды. Не требует...

Он не закончил. Только посмотрел на неё — и в его взгляде было что-то, что она не могла понять.

— Но ты же... — начала она, но он перебил:

— Я здесь, чтобы защищать тебя. Не чтобы есть.

Элиан закрыла рот. Она не знала, что ответить.

Ашер, который всё это время молчал, вдруг выпрямился.

Его золотые глаза сузились, когда он посмотрел на брата.

— Ты, — бросил он, и в его голосе был яд. — Ты всё время стоишь там. Как призрак. Как...

— Как тень, — спокойно закончил Ксавьер. — Я и есть тень, младший брат. Ты забыл?

Ашер сжал кулаки.

— Я ничего не забыл, — прорычал он. — Я помню, как ты умер. Я помню, как отец... как он...

Он не закончил. Повернулся к Элиан.

— Он не должен быть здесь, — бросил он. — Он чужой. Он... он Тьма. Он опасен.

— Ашер...

— Нет! — Ашер шагнул к ней, его голос повысился. — Ты не понимаешь! Он... он не такой, как мы. Он не человек. Он...

— Он твой брат, — тихо произнесла Элиан.

— Он был моим братом, — огрызнулся Ашер. — Двадцать лет назад. Теперь он... теперь он что-то другое. Что-то, чего я не понимаю. И я не хочу, чтобы он был рядом с тобой.

— Почему? — спросила она. — Потому что ты боишься его? Или потому что боишься того, что я чувствую рядом с ним?

Ашер замер. Его золотые глаза расширились — на долю секунды, но она успела увидеть. Увидела страх. Ревность. Боль.

— Я не... — начал он, но Ксавьер заговорил первым.

— Она связана со мной тьмой, — тихо произнёс он, отрываясь наконец от дерева. Он сделал шаг вперёд — плавный, бесшумный, как у хищника. — Руна на её ладони — моя. Моя метка. Моя...

Он остановился в шаге от Ашера. Братья смотрели друг на друга — два полюса. Огонь и Тьма. Золото и чёрное. Жизнь и... что-то за пределами жизни.

— Я не уйду, — тихо произнёс Ксавьер. — Пока она не примет меня. По-настоящему. Не как брата. Не как мага. А как...

Он не закончил. Только посмотрел на Элиан — и в его взгляде было столько всего, что она отвела глаза.

— Хватит, — повторила она, и её голос дрогнул. — Оба. Хватит.

Она провела рукой по лицу, чувствуя, как усталость наваливается на неё, как гора. Она была измотана. Физически, эмоционально, магически. Её тело просило покоя. Её душа — тишины.

И она приняла решение.

— Мы возвращаемся в академию, — тихо произнесла она. Тишина.

Ашер моргнул.

— Что?

— Мы возвращаемся, — повторила она, и её голос стал твёрже. — В академию. В «Эрданос».

— Элиан, — медленно произнёс Дориан, и в его голо-

се было что-то похожее на ужас. — Академия... наполовину разрушена. Центральная башня рухнула. Лазарет сожжён. Полигон...

— Я знаю, — перебила она. — Но это наш дом. Единственный, который у нас есть. И...

Она помолчала, подбирая слова.

— И мне нужно закончить обучение. Я — Хранительница. Но я не знаю, что это значит. Я не знаю, как использовать свою силу. Я не знаю...

Она посмотрела на свои руки — на четыре руны, которые пульсировали в такт её дыханию.

— Я не знаю, как быть собой.

Ашер подошёл к ней — медленно, осторожно, как подходят к раненому животному. Он протянул руку — и мягко убрал прядь волос с её лица.

— Пепельная, — тихо произнёс он. — Ты не обязана...

— Я обязана, — перебила она. — Самой себе. И...

Она посмотрела на них — на всех пятерых. На Ашера, с его золотыми глазами, полными любви и страха. На Бьорна, с его зелёными глазами, полными тихой поддержки. На Дориана, с его голубыми глазами, полными холода и боли. На Ксавьера, с его чёрными глазами, полными... чего? Она не знала.

— И вам, — закончила она. — Все мы нуждаемся в доме. Даже тени.

Ксавьер усмехнулся — впервые за всё время, что она его

знала. Усмешка была кривой, печальной, но... живой.

— Ты права, Хранительница, — тихо произнёс он. — Даже тени нуждаются в доме.

Путь обратно занял три дня.

Три дня, которые Элиан запомнила на всю жизнь. Не потому что было тяжело — хотя было. Не потому что было страшно — хотя было. А потому что в эти три дня она впервые по-настоящему увидела их. Всех пятерых. Не как магов. Не как связанных. А как... людей.

Ашер шёл впереди — как всегда, как лидер, как тот, кто прокладывает путь. Но теперь, без его ярости, без его потребности доминировать, она видела в нём что-то другое. Усталость. Боль. Страх потерять её. Каждую ночь, когда они разбивали лагерь, он садился у огня — того, который на этот раз разжигал Бьорн — и смотрел на пламя. Молча. Долго. Как будто в огне он видел что-то, чего не видели другие.

Однажды ночью, когда она не могла уснуть, она подошла к нему и села рядом. Он не повернул головы, но его рука нашла её руку — и сжала. Крепко. Как будто боялся, что она исчезнет.

— Ты боишься, что я уйду? — тихо спросила она.

— Я боюсь, — произнёс он, и его голос был хриплым, — что ты поймёшь, что я не тот, кто тебе нужен. Что ты выберешь кого-то другого. Что...

Он не закончил. Только крепче сжал её руку.

— Я не уйду, — прошептала она. — Обещаю.

Он посмотрел на неё — и в его золотых глазах были слёзы. Настоящие, живые слёзы, которые он не прятал.

— Ты уже обещала, — тихо произнёс он. — Когда-то. В другой жизни.

Она не поняла, что он имеет в виду. Но что-то внутри неё — глубоко, в самой основе её души — отозвалось. Как эхо. Как воспоминание, которого не было.

Бьорн шёл рядом с ней — как щит, как стена, как тот, кто всегда рядом. Он нёс самый тяжёлый рюкзак, хотя она протестовала. Он останавливался каждые несколько часов, чтобы проверить, не нужно ли ей чего-то. Он приносил ей воду — ту самую, которую очищал Дориан. Он накладывал мазь на её потёртые ноги. Он делал всё это молча, без слов, без просьб о благодарности.

Однажды, на второй день пути, она заметила, что он хромает.

— Бьорн, — тихо произнесла она, догоняя его. — Ты ранен.

Он покачал головой.

— Ничего, — буркнул он. — Просто... устал.

Но она видела — он лжёт. Она подошла ближе, заставила его остановиться, и подняла штанину его брюк.

И ахнула.

На его икре был глубокий порез — свежий, кровоточащий. Края раны были неровными, как от когтей. Это была

рана от порождения Тьмы — та самая, которую он получил в битве у замка.

— Почему ты не сказал? — её голос дрогнул.

— Потому что это неважно, — буркнул он, отводя глаза.

— Бьорн! — она упала на колени прямо на дороге, достала из сумки бинты и мазь. — Дай мне.

Он колебался — потом медленно опустился на камень. Она осторожно очистила рану, нанесла мазь, забинтовала. Её пальцы дрожали — не от слабости, а от гнева. На него. На его упрямство. На его потребность нести всё в одиночку.

— Ты не обязан, — прошептала она, заканчивая. — Быть сильным всё время. Ты не обязан...

— Обязан, — тихо произнёс он. — Я — Земля. Я должен держать. Должен быть опорой. Если я сломаюсь...

— Тогда я поддержу тебя, — перебила она. — Как ты поддерживаешь меня.

Он посмотрел на неё — и в его зелёных глазах было что-то, чего она не видела раньше. Что-то похожее на... удивление? Как будто он не привык, что кто-то заботится о нём.

— Спасибо, — прошептал он.

Она улыбнулась — слабо, устало.

— Не за что, — произнесла она. — Это я должна благодарить тебя. За всё.

Дориан шёл в арьергарде — как страж, как тот, кто прикрывает тылы. Он был молчалив, как всегда, но его молчание было другим. Не холодным, как раньше. А... напряжён-

ным. Как будто он боролся с чем-то внутри себя.

Однажды, когда они остановились у ручья, она подошла к нему. Он стоял на коленях у воды, очищая её — его ладони светились тускло-голубым светом, и мутная вода становилась прозрачной, как слеза.

— Дориан, — тихо произнесла она.

Он не поднял головы.

— Хранительница, — произнёс он, и в его голосе была та самая формальность, которая ранила её больше всего.

— Перестань, — прошептала она. — Пожалуйста. Не называй меня так. Я... я Элиан. Я та девочка, которая...

— Той девочки больше нет, — перебил он, наконец поднимая глаза. В его голубых глазах была боль — настоящая, живая, отчаянная. — Той девочки, которая плавала со мной в озере. Которая делила со мной последний кусок хлеба. Которая... которая была только моей.

— Дориан...

— Теперь ты Хранительница, — произнёс он, и его голос дрогнул. — Теперь у тебя пятеро. Теперь ты... ты не моя.

— Я твоя, — прошептала она. — Я всегда была твоей. С того самого дня в приюте. С того самого...

— Нет, — перебил он. — Ты была моей. А теперь... теперь ты принадлежишь всем. И никому.

Он встал, вытер руки о плащ и пошёл прочь.

Она смотрела ему в спину — и чувствовала, как что-то внутри неё ломается. Как стена, которую она так старательно

строила, рушится, камень за камнем.

Ксавьер шёл отдельно — в нескольких шагах от всех, как тень, которой он и был. Он не разговаривал. Не ел. Не пил. Он просто шёл — бесшумный, плавный, как призрак. Но каждые несколько минут он поворачивал голову — и смотрел на неё. И в его взгляде было что-то, что она не могла разгадать.

Однажды, на третий день пути, когда они остановились на ночлег, она подошла к нему.

— Ксавьер, — тихо произнесла она. — Почему ты... почему ты такой?

— Какой? — спросил он, не поворачивая головы.

— Отстранённый. Холодный. Как будто... как будто тебя здесь нет.

Он медленно повернулся к ней. Его чёрные глаза смотрели в её серые — и в этой встрече было что-то, от чего у неё перехватило дыхание.

— Я здесь, — тихо произнёс он. — Всегда. Я был здесь десять лет. Я буду здесь... пока ты не примешь меня.

— Я... — она запнулась. — Я не знаю, как.

— Я знаю, — произнёс он. — Поэтому и жду.

Он протянул руку — и мягко коснулся её щеки. Его пальцы были холодными, как мрамор. Но под холодом — было что-то живое. Что-то, что она не могла назвать.

— Не бойся, — прошептал он. — Я не причиню тебе боли. Никогда.

Она закрыла глаза — и почувствовала, как слёзы текут по её щекам. Не от грусти. От осознания.

Она боялась. Боялась его. Боялась Тьмы. Боялась того, что он представлял.

Но она также знала — без него она нецелостна. Как пазл без последнего кусочка. Как песня без последней ноты.

— Я попробую, — прошептала она. — Когда мы вернёмся... я попробую.

Он улыбнулся — слабо, печально, но искренне.

— Этого достаточно, — произнёс он. — Пока.

На четвёртый день они увидели академию.

Или то, что от неё осталось.

«Эрданос» стоял на холме — как всегда, величественный, древний, непоколебимый. Но теперь... теперь это был не тот «Эрданос», который она знала. Центральная башня — та самая, где жил ректор, где она впервые увидела Кая, где ей объявили о её новом статусе — была разрушена. Её обломки лежали у подножия, как кости мёртвого великана. Лазарет — сожжён. Полигон — покрыт воронками от магических взрывов. Стены — в трещинах, с выбитыми окнами, с обгоревшими башенками.

Но академия стояла.

И в этом было что-то... трогательное. Как в старике, который пережил войну, но не сдался.

— Боги, — прошептал Бьорн, останавливаясь. — Что с

ней случилось?

— Тёмный Лорд, — тихо произнёс Дориан. — Его армия прошла здесь, когда мы были в замке.

Ашер сжал кулаки. Его золотые глаза горели, как два солнца.

— Я убью его, — прорычал он. — Я сожгу его дотла.

Элиан посмотрела на него — и увидела в его глазах не просто ярость. А боль. Этот дом был его домом. Эти стены — его стенами. Эта академия — его семьёй.

— Мы отстроим, — тихо произнесла она. — Вместе.

Они подошли к воротам — тем самым, через которые она когда-то вошла в академию, как испуганная девочка с тряпичной куклой в руках. Ворота были покосившимися, одна створка висела на последних петлях, но они стояли.

Их встретили не стражники — их встретили студенты.

Десятки, сотни студентов — в порванных мантиях, с перебинтованными головами, с синяками и царапинами. Они стояли у ворот — молча, неподвижно. И когда Элиан сделала первый шаг — они упали на колени.

Все. Одновременно. Как по команде.

— Хранительница, — произнёс один из них — молодой парень, с обожжённым лицом. — Вы вернулись.

— Мы вернулись, — тихо произнесла она.

И тогда — они закричали. Не от радости. От облегчения. От надежды. От всего, что они чувствовали, увидев её.

— Хранительница! Хранительница! Хранительница!

Имя звучало, как гром. Как буря. Как триумф.

Элиан стояла, чувствуя, как слёзы текут по её щекам. Она не ожидала этого. Не после всего, что произошло. Не после того, как она сбежала, оставив их.

Но они... они простили её. Они ждали её.

Из ворот вышел человек — высокий, худой, с длинной седой бородой и выцветшими голубыми глазами. Лорд Эйнар. Ректор.

Но это был не тот ректор, которого она знала. Этот был старше. Усталее. Его плечи опустились, его спина согнулась. Но в его глазах был тот самый свет — мудрый, тёплый, живой.

— Элиан, — тихо произнёс он, подходя ближе. — Ты вернулась.

— Милорд, — прошептала она, опуская голову. — Я... я не знаю, что сказать. Простите меня. За то, что сбежала. За то, что оставила вас...

— Не извиняйся, — перебил он, и его голос был мягким, как всегда. — Ты сделала то, что должна была сделать. Ты спасла своих... своих связанных. Ты спасла себя. И это... это больше, чем мы могли надеяться.

Он посмотрел на пятерых мужчин за её спиной — и в его глазах было что-то похожее на... уважение?

— Вы все вернулись, — тихо произнёс он. — Это... это знак. Знак того, что мы ещё не проиграли.

Он повернулся к студентам, которые всё ещё стояли на

коленях.

— Встаньте, — произнёс он, и его голос эхом разнёсся по двору. — Встаньте, дети мои. Хранительница вернулась. И она привела с собой своих защитников.

Студенты встали — медленно, неуверенно. Но в их глазах была надежда. Настоящая, живая надежда.

— Элиан, — ректор повернулся к ней. — Совет старейшин собрался. Они ждут тебя. Они хотят... они хотят объявить о твоём новом статусе.

— Новом статусе? — нахмурилась она.

— Да, — кивнул он. — Ты больше не первокурсница. Ты — Хранительница. И как Хранительница, ты имеешь право на... на определённые привилегии.

Он помолчал.

— Тебе выделяют личную башню. Апартаменты. Свиту. И...

Он посмотрел на пятерых мужчин.

— И жильё для твоих связанных.

Элиан ахнула.

— Но... но я...

— Не спорь, — мягко произнёс ректор. — Это не обсуждается. Ты — Хранительница. Ты должна жить как Хранительница. И твои... твои мужчины тоже.

Она посмотрела на них — на их лица, перекошенные от удивления, от шока, от чего-то ещё.

Ашер выглядел так, как будто ему дали пощёчину. Бьорн

— как будто он не верил своим ушам. Дориан — как будто он уже просчитывал все возможные варианты. Ксавьер — как будто он знал, но не хотел верить.

— Милорд, — тихо произнесла она. — Я не знаю, готова ли...

— Никто не готов, — перебил её ректор. — Но это не важно. Важно то, что ты — здесь. Что ты — жива. Что ты... ты наша надежда.

Он протянул руку — и мягко коснулся её щеки.

— Пойдём, — тихо произнёс он. — Совет ждёт. И... я покажу тебе твои новые апартаменты.

Башня, которую ей выделили, была одной из немногих уцелевших — узкая, изящная, из чёрного камня, с узкими окнами, похожими на бойницы. Она стояла в восточном крыле академии, отдельно от остальных зданий, как будто её построили для кого-то, кто хотел уединения.

— Это была башня первого ректора, — тихо произнёс лорд Эйнар, ведя её по винтовой лестнице. — Говорят, он жил здесь, когда писал свои великие труды. Говорят, что в её стенах... в них всё ещё живёт его мудрость.

Элиан шла за ним, чувствуя, как сердце колотится. Она не могла поверить, что это происходит. Что она — та самая Пустышка, та самая служанка, та самая пепельная — теперь живёт в башне первого ректора.

Они поднялись на самый верх — и она ахнула.

Апартаменты были огромными. Гостиная — с высоким потолком, камином, окнами от пола до потолка. Спальня — её, личная, с огромной кроватью с балдахинном, с окном, выходящим на сад. Ванная — с мраморной ванной, с магическими кристаллами, которые подогревали воду.

И... пять спален.

Пять отдельных спален, каждая — со своей ванной, со своим камином, со своим окном. Каждая — для одного из её связанных.

— Это... — начала она, но не закончила.

— Да, — кивнул ректор. — Пять спален. Для пятерых. Так устроено по традиции — Хранительница и её Пять должны жить под одной крышей. Это... это часть связи. Часть ритуала.

Он посмотрел на неё — и в его глазах было что-то похожее на... смущение?

— Я понимаю, что это... непривычно. Но таков закон. И Совет... Совет очень настойчив в этом вопросе.

Элиан смотрела на пять дверей — пять закрытых дверей, за каждой из которых мог быть один из её мужчин. И чувствовала, как паника поднимается в ней, как волна.

— Милорд, — тихо произнесла она. — Я... я не знаю, смогу ли...

— Сможешь, — перебил он. — Ты — Хранительница. Ты справишься.

Он помолчал.

— И ещё одно, — тихо произнёс он. — Совет назначил Дориана твоим военным советником. Официально. Он будет... он будет представлять тебя перед королём. Перед армией. Перед...

— Дориан? — она моргнула. — Но...

— Да, — кивнул ректор. — Он — лучший выбор. Он — военный. Он — генерал. И он... он связан с тобой. Это... это даёт ему право.

Элиан закрыла глаза. Дориан. Её Дориан. Тот, кто когда-то был её единственным другом. Тот, кто предал её, но вернулся. Тот, кто...

— Я согласна, — тихо произнесла она.

Ректор кивнул.

— Хорошо, — произнёс он. — Тогда... отдыхай. Завтра — совет. Завтра... начнётся твоя новая жизнь.

Он развернулся и пошёл к двери. У порога остановился.

— Элиан, — тихо произнёс он. — Будь осторожна. С ними. С собой. С... со всем, что будет дальше.

Она кивнула — не в силах говорить.

Он ушёл.

Она осталась стоять посреди огромной гостиной — одна, маленькая, потерянная. И чувствовала, как слёзы текут по её щекам.

Что я наделала? — подумала она. Как я буду жить с ними? Под одной крышей? Как я...

Дверь распахнулась — и вошёл Ашер.

— Это моя спальня, — бросил он, не глядя на неё. — Та, что рядом с твоей.

— Ашер...

— Не спорь, — перебил он. — Я — твой огонь. Я — твой первый связанный. Я должен быть ближе всех.

Она посмотрела на него — и увидела в его глазах не просто ревность. А страх. Страх потерять её. Страх, что кто-то другой займёт место рядом с ней.

— Хорошо, — тихо произнесла она. — Твоя.

Он кивнул — и пошёл к двери, которую выбрал. Но у порога остановился.

— Элиан, — тихо произнёс он. — Спасибо.

Она моргнула.

— За что?

— За то, что вернулась, — произнёс он. — За то, что... что ты всё ещё моя.

Он ушёл.

Она осталась стоять — и почувствовала, как за её спиной появились остальные.

— Я выберу спальню напротив твоей, — тихо произнёс Бьорн. — Чтобы быть рядом. Если тебе понадобится...

— Я возьму ту, что с видом на озеро, — произнёс Дориан, и в его голосе была та самая холодная формальность. — Для совещаний. Для... работы.

Элиан повернулась — и посмотрела на них. На троих, которые стояли перед ней, с их страхами, их болями, их надеж-

дами.

И на Ксавьера, который стоял в стороне, молча, как всегда.

— А ты? — тихо спросила она.

Он пожал плечами.

— Мне не нужна спальня, — произнёс он. — Тень не нуждается в стенах.

— Но ты останешься? — прошептала она.

Он посмотрел на неё — и в его чёрных глазах было что-то, что она не могла разгадать.

— Я всегда рядом, — тихо произнёс он. — Ты знаешь это.

Он развернулся и пошёл к двери. У порога остановился.

— Доброй ночи, Хранительница, — произнёс он. — Сладких снов.

И исчез. Растворился в тени, как будто его никогда не было.

Элиан осталась стоять посреди гостиной — одна. И чувствовала, как что-то внутри неё — что-то хрупкое, нежное, только что родившееся — начинает трескаться.

Как я буду жить с ними?— подумала она. *Как я буду...*

Она не знала ответа.

Но она знала одно — она была здесь. Она была жива. И она была не одна.

Она подошла к окну — и посмотрела на разрушенную академию. На пепел, падающий, как снег. На дым, поднимающийся в небо.

Это мой дом,— подумала она. *И я буду бороться за него.*
До конца.

Она прижала ладонь к стеклу — холодному, живому, настоящему.

И впервые за долгое время — улыбнулась.

Глава 2. Холодный генерал

Утро

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.